

ворок, остроумных и фантастически замысловатых, нет ни эпоса, ни романа. Зато поэзия, тесно связанная с даром красноречия, с незапамятных времен расцвела здесь очень буйно. В основном это была лирика; превалировала, разумеется, эротическая лирика, близкая к эротомании.

Меня всегда удивляло и слегка огорчало отсутствие в Тананариве и вообще на Мадагаскаре театра. Правда, у мерна есть свои танцы с припевками, часто крайне непристойные. Они очень любят публичные выступления, успех, пышную фразу, удачный каламбур, и все же никогда не имели ни театра, ни собственных актеров.

ЗУМА — НЕОБЫКНОВЕННЫЙ БАЗАР

Можно упрекать мерна за то или за другое, но нельзя остаться равнодушным к тому, что носит у них название «зумы»⁴. Это еженедельный базар в Тананариве. Происходит он по пятницам. На зуму в малагасийскую столицу стекается со всей Имерины около 20 тысяч малагасийцев.

Каждую пятницу вся центральная часть города, все тротуары и большинство мостовых заполнены до отказа наскоро сколоченными стендами, ларьками, палатками, а в палатках, на них, под ними и прямо на земле — масса товаров. То что погребли лондонские миссионеры во второй половине XIX века под невзрачной пеленой аскетизма, в XX веке, во времена французов, и особенно за последние годы воскресло вновь. Ожила инициатива народа, его художественное ремесло. Правда, мебель, богато представленная на авеню Независимости, все еще отдает стариной. Зато производство изделий из листьев пальмы, рафии и сизаля приобрело вполне современный размах.

Всевозможные циновки, сумки и сумочки, корзинки в изысканной форме греческих вазонов, шкатулки непонятного назначения, коврики — и все это очень праздничное, необыкновенно нарядное, сделанное со вкусом и любовью, привлекающее изяществом форм и яркостью расцветок. Здесь настоящее безумство красок. Созерцая удивительное собрание чудес, прохожий постепенно утрачивает контакт с миром будней, теряет ощущение реальности, возвращается в ушедшее детство.

Прежде, до войны, здесь не было такой роскоши. Рафия и сизаль стали новым источником творческого вдохновения. Я с удовольствием смотрел на торгующих женщин, на крестьян, ремесленников. Это были жители окрестностей столицы: тихие, с приятными манерами. Торговали они деликатно, почти изысканно. Здесь не было назойливой крикливости Ближнего Востока.

Горы нежнейших фруктов, корзины овощей, яиц, стада гусей, тысячи шляп, батальоны глиняных горшков, кипы тканей и бесконечные каскады цветов — все это было чудом. Ошеломленный, раздавленный впечатлениями человек пробирается не только сквозь нагромождение товаров, необходимых в быту. Внимание его привлекает резьба по дереву, поблескивающие копы, кованные из железа дротики, чучела молодых крокодилов с хищно оскаленными зубами. В укромных местах продавались магические талисманы, таинственные приворотные зелья.

Торговая пятница существует в Тананариве очень давно. Она стала культурной традицией малагасийцев, своего рода национальным праздником.

(Окончание следует)

⁴ Зума (малагасийск.) — пятница.

Альберт Швейцер (1875—1965) — немецкий врач, ученый, философ, выдающийся гуманист современности, лауреат Нобелевской премии мира. 50 лет своей жизни провел он в тропических лесах Габона, в деревушке Ламбарене, где создал уникальную больницу для африканцев, подготовил для нее квалифицированный медицинский персонал из местных уроженцев.

Швейцер глубоко изучил быт и психологию африканцев. Свидетельством тому — публикуемый отрывок из его книги «Африканские рассказы».

Женитьба в Габоне

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

РАССКАЗЫВАЮ туземцам, что в Европе мужчина женится, не платя никакого выкупа... «Такого не может быть! — перебивают они меня хором. — Доктор смеется над нами».

Женщина рассматривается здесь как объект определенной стоимости. С момента рождения девочки родные уже подсчитывают капитал, который наживут на ней. Когда белая роженица в моем госпитале разрешилась девочками-двойняшками, увидавший их туземец заявил счастливому отцу: «Каким же ты стал богачом!».

Расходам, связанным с женитьбой, подчинена вся жизнь туземца. Чтобы раздобыть средства для покупки жены, он уже с 16-летнего возраста подыскивает возможность заработка. Часто во имя этого он вынужден покинуть родную деревню и идти служить к белому на три-четыре года, причем того, что он за это время получит, далеко не достаточно. Обычно сумма выкупа так велика, что жениху пришлось бы копить ее более десяти лет. В таком случае он женится, обязуясь постепенно выплачивать недостающее. Отец или, если того уже нет в живых, старший брат должен помочь ему сделать первый взнос и гарантировать дальнейшие.

Как правило, для того чтобы обеспечить сыну жену, родители начинают вносить плату за невесту, когда той исполняется всего лишь несколько лет. Как раз когда я пишу эти строки, ко мне вошел санитар и попросил дать ему задаток для выкупа жены. Выяснилось, что его нареченная — девочка девяти лет. Он уже внес за нее какую-то сумму, однако должен поторопиться и со следующим взносом, иначе невесту закрепят за другим, более платежеспособным претендентом. Ему же вернуть внесенные деньги или хотя бы часть их будет непросто.

И еще одно щекотливое обстоятельство: мужчина даже к моменту женитьбы может только гадать об окончательном размере выкупа и даже объеме и сроках очередных взносов. Вот тут-то перед семьей жены открывается широкая возможность вымогательства. (Надо сказать, что отец молодой женщины, а также ее родные почти лишены права голоса в этом деле. Женщина принадлежит матери и ее братьям. Они и получают львиную долю выкупа.)

Между супругами может царить полное согласие, и вдруг родственники жены извещают их о том, что муж отстает с очередным взносом и, если он к такому-то дню не внесет столько-то и столько-то, жены ему больше не видать. И бедняга начинает ходить по друзьям и знакомым, собирая требуемую сумму.

Если очередной взнос уплачен, муж на некоторое время обретает покой. Если же ему не удается раздобыть денег, у него отнимают жену и не возвращают, пока он их не внесет. Происходит это обычно так: жену крадут неизвестные, когда она отправляется на реку за водой: ее бросают в челнок и увозят.

Правда и то, что, если бы семья жены не прибегала к подобным методам, ей бы по большей части ни за что не удалось получить назначенной суммы.

Один из поденщиков, служивших при нашем госпитале, очень милый человек, пришел ко мне однажды в слезах и сообщил, что злые люди похитили у него жену. На мой вопрос, сколько он еще должен, он признался, что после первого взноса покинул родные места, обосновался в Ламбарене и в течение пяти лет не подавал о себе никаких вестей. Теперь же родственники жены напали на его след...

Когда пропадает жена, муж прекрасно знает, где ее искать, и рано или поздно отправляется в ее деревню с требуемым выкупом. Через некоторое время чета возвращается домой, чтобы безмятежно наслаждаться семейным счастьем до следующего взноса.

Если в семье родились дети, их похищают тоже. Ведь, по существующим здесь законам, они принадлежат не отцу, а матери, ее братьям и дядям.

Интересная история произошла в моем госпитале. Как-то у нас на излечении находился раненый вождь небольшого племени. У него пропала жена, и он сначала вознамерился меня арестовать, потому что похищение произошло на территории госпиталя. Потом он одумался и потребовал от меня штраф, равный стоимости жены. Вначале я не принимал его слов всерьез. Но он с каждым днем становился все настойчивее и дошел до того, что по несколько раз в день появлялся передо мной, вымогая назначенную сумму. Мне стало не по себе.

Однажды утром он, сияя, подошел ко мне и сообщил, что все в порядке — жена снова с ним. Похитители со своей добычей плыли вверх по реке и на третий или четвертый день заночевали в деревне, среди жителей которой было несколько друзей вождя. Они сразу смигнули, в чем дело, и в свою очередь выкрали женщину, спустились с нею вниз по течению и, как плотно упакованный узел, швырнули на берег, где стоял госпиталь. Там супруг на нее и наткнулся. После того как он ее развязал, она последовала за ним как ни в чем не бывало.

Если родственники жены потребуют, чтобы она вернулась домой, так как муж задержал очередной взнос, она безоговорочно подчиняется, даже если любит мужа и ей очень тяжело расставаться с ним. Ей и в голову не придет сопротивляться похитителям. Права семьи для нее священны.

Даже когда выкуп уплачен полностью, семья же- ны сохраняет за собой право в случае плохого об-

ращения мужа с нею приютить ее у себя и держать до тех пор, пока муж не явится к дядям и братьям жены с повинной. В виде наказания тирану зачастую назначают большой денежный штраф.

Развод возможен, но осложняется для женщины тем, что ее семья обязана выплатить мужу всю сумму, которую тот за нее внес. А так как братья и дяди давно израсходовали полученные деньги, то, как правило, они не в состоянии вернуть выкуп, и от развода приходится отказываться. Тем не менее мне известны случаи, когда родственники идут на большие жертвы, чтобы собрать необходимую сумму и избавить женщину от неудачного супружества.

Бывает и так, что на руку женщины находится новый претендент. При согласии мужа на развод он обязан выплатить ему сразу всю сумму, внесенную в свое время за жену. Рассрочка не допускается.

Муж в качестве инициатора развода выступает очень редко, так как он в этом случае, как правило, теряет свой выкуп. Пусть ему удастся доказать, что повинен в разводе не он, пусть после длительных торгов ему будет обещана часть выкупа, — все равно у него нет никаких гарантий, что обещание будет выполнено.

Жены туземцев очень часто используют свое право вернуться в любое время в родительскую семью. Треть года, если не больше, санитары госпиталя пребывают на положении соломенных вдовцов. Младших детей жена забирает с собой, старшие остаются с отцом.

Когда мои помощники остаются одни, они сами готовят себе еду, а это приводит их в плохое расположение духа, что отражается на работе. Но если я, недоумевая, спрашиваю, почему они дают своим женам такую волю, они пожимают плечами: «У нас так принято».

И все же, несмотря на эти бесконечные недоразумения между мужем и семьей жены, причем жена должна держать сторону своих, браки здесь в основном счастливые...

Перевела с немецкого
Е. Шохина

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Всего сто лет назад в Габоне всюю процветала работорговля. Особенно славился ею мыс Лопес. Вдоль дорог, ведущих к океану, громоздились целые холмы из человеческих костей — останков безвестных невольников.

За молодого раба португальский работорговец давал бочку рома (100 литров), несколько метров хлопчатобумажной ткани и две-три нитки стеклянных бус.

Молодые женщины ценились дороже: рубше, большой медный чайник, 60 метров ситца, два куска железа, два ножа, два зеркала, две стрелы, две тарелки, два замка, бочонок пороху, несколько ниток бус и немного табаку.

Таковы были цены на берегу. Внутри страны рабы обходились значительно дешевле. Там молодой мужчина стоил четыре фунта соли, медный чайник, несколько метров ткани и несколько ниток стеклянных бус.